

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРВОЙ ПЕРЕПИСИ КИТАЙСКИХ МИГРАНТОВ В ПРИМОРСКОЙ ОБЛАСТИ (конец 60-х гг. XIX в.)

Е.И. Нестерова

С заключением Пекинского договора количество китайских подданных, проживавших на русской территории, увеличилось. Однако их численность и места проживания оставались тайной для обеих империй, подписавших договор. Анализ 1 статьи Пекинского договора, как справедливо отмечает В.С. Мясников, показывает, что «китайских подданных в крае предоставлялось обнаружить русским властям, маньчжурское правительство не могло сказать о них ничего определенного!» [1, с. 322].

Достаточно продолжительное время ничего определенного не могла сказать о китайцах в Приморской области и русская администрация. Отечественные исследователи и путешественники по-разному оценивали численность китайцев в Уссурийском крае в 60-х – начале 70-х гг.: Палладий говорил о 40-50 тыс., М.И. Венюков и А.А. Алябьев считали, что их не более 2 тыс., Н.М. Пржевальский допускал цифру 4-5 тыс., П.А. Гельмерсен – от 5 до 7 тысяч [2, с. 410-411; 3]. Столь существенное расхождение в оценке численности китайцев объясняется, вероятно, тем, что Палладий включал в общую цифру численность сезонных мигрантов в отличие от других исследователей, учитывавших только оседлых жителей.

Разумеется, невозможно управлять краем, не имея точного представления о том, кто, где и в каком количестве проживает. Однако вплоть до 1868 г. китайские мигранты не доставляли ощутимого беспокойства русской администрации. В связи с этим мер по определению численности китайцев, равно как и мер по подчинению их русским властям не принималось, т.к. власти занимались «более насущными потребностями Южно-Уссурийского края: внесением русского элемента в заселение его, охранением войсками...». Коренным образом ситуация изменилась после событий 1868 г. на о. Аскольд, вошедших в историографию как манзовское восстание, или манзовская война, когда китайцы впервые оказали вооруженное сопротивление.

Представляется, что именно эти события высветили для местной русской администрации проблему существования китайского населения как фактора, который необходимо учитывать при выработке проектов устройства области. Именно такая позиция зафиксирована в записке 17 декабря 1868 г. генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова, находившегося во время манзовской войны в Приморской области. Корсаков докладывал, что в южной части Приморской области находится довольно значительное китайское население, пользующееся богатствами края бесконтрольно и непроизводительно для России. Это население не считает себя в зависимости от Русского Правительства, управляется своими выборными, на основании обычаев, и всякое вмешательство русских властей считает посягательством на свои права [4, л. 33]. Далее он отмечал, что «эти выходцы не имеют прочного водворе-

ния на нашей земле, они приходят в наши пределы без семейств, и, обогатившись, возвращаются в Китай, унося с собой все найжитое и приобретенное». Корсаков считал, что «... настало время к безотлагательному устройству китайского населения на прочных основаниях и преподаванию средств к постоянному за оным наблюдению и направлению в видах русского правительства» [5, л. 11]. Именно по распоряжению Корсакова был реализован комплекс мер, позволявших установить действенный контроль за ситуацией в Приморской области. Летом 1868 г. в качестве временной меры территория области была разделена на округа, а все гражданское население, как русское, так и иностранное, отдавалось в ведение начальника Новгородской команды (Суйфунский округ), управляющего землями удельного ведомства (Сучанский округ), командира 3-го батальона (Ханкайский округ), начальника Ольгинской команды (Аввакумовский округ) и командира Уссурийского пешего казачьего батальона (Уссурийский округ) [6, л. 44]. Для улучшения надзора устанавливались конные посты вдоль границы, был взят под охрану 500-верстный участок границы от Турьего Рога до р. Тюмень-ула. Проход китайцев на территорию Уссурийского края разрешался только по трем дорогам: через Посыет, по долинам р. Монгугай и через Камень-Рыболов. Обязательным становилось визирование в русских постах китайских национальных билетов (паспортов). Начальники русских постов в специальных шнуровых книгах обязывались фиксировать приметы предъявителя, количество оружия, откуда и с какой целью прибыл, где и сколько времени будет проживать. На китайских документах ставился тот порядковый номер, под которым сведения заносились в книгу. Китайцы, находившиеся на момент издания распоряжения на Дальнем Востоке, должны были получить билеты в течение года.

Безбилетные и шедшие иными дорогами объявлялись бродягами. С ними предписывалось в зависимости от обстоятельств либо поступать по русским законам, либо передавать китайским властям. Для оповещения китайцев об этих нововведениях в июле 1868 г. специальным предписанием начальнику Новгородского поста полковнику Дьяченко поручалось «войти в сношение с гириным фудутуном», с тем чтобы эти распоряжения «были опубликованы китайским начальством на всеобщее сведение» [6, л. 34-34об.].

Многие из реализованных мер были предложены работавшим во Владивостоке особым комитетом под председательством окружного интенданта Восточно-Сибирского военного округа генерал-майора Шульмана. Комитет организовали по распоряжению Корсакова с целью определить причины, вызвавшие образование разбойничьих шаек в Южно-Уссурийском крае и для недопущения в будущем беспорядков, подобных произошедшим на о. Аскольд [8, л. 35об.].

В ходе работы комитета высказывались общие соображения о китайском присутствии на русском Дальнем Востоке. Так, указывая на сезонный характер китайской миграции, отмечалось что «временный ежегодный наплыв к нам китайцев не может быть подвергнут излишним стеснениям, но, с другой стороны, требует подчинения правильному и постоянному надзору как внутри, так и за границей» [9, л. 14]. Для этого

признавалось целесообразным открыть русские консульства в Хуньчуне и Нингуте. Китайцы обязывались брать национальные паспорта для перехода границы.

По мнению комитета, зачинщики Джин-зоа (проживал в Нингуте, имел фанзу на р. Цемухе), Янхали (богатый китаец, жил на р. Цемухе), Чуган-фа (самый богатый цемухинский житель) стремились «померяться силами с русскими и истребить всех русских в крае, дабы не встречать более сопротивления к беспрепятственному пользованию богатствами края» [9, л. 12].

Ряд конкретных мер, предложенных комитетом в рекомендательном порядке в виде опыта, должен был стабилизировать ситуацию в крае и предотвратить новые беспорядки. Для улучшения охраны края предлагалось передислоцировать один из отрядов на р. Монгугай, установить пост в д. Ханьшин, где концентрировалось значительное число сборщиков морской капусты, ловцов трепанга. Кроме того, до открытия консульств предполагалось визировать билеты в корейской деревне на р. Монгугай, в Посъете, Камень-Рыболове.

Китайцы, выразившие такое желание, могли вступить в русское подданство, им, в отличие от всех остальных, разрешалось строить для себя фанзы. Позже, в августе 1869 г. М.С. Корсаков издал секретное постановление о том, что с переходом Южно-Уссурийского края в наше владение жители его должны считаться русскими подданными. Продажа, дар, наследование фанз разрешалось только с разрешения окружного начальника. Необходимой мерой признавалась перепись. Планировалось, что информацию о численности и местах проживания китайцев соберут и доставят русским властям китайские старшины, рискуя в случае подачи ложных сведений быть подвергнутыми штрафу. На офицеров и чиновников, заведовавших гражданским населением, возлагалась проверка этих данных [9, л. 160б.].

Итак, проведение переписи было признано важной мерой, способной содействовать стабилизации положения и улучшению управления, однако порядок ее проведения был изменен. Местным начальникам поручалось «произвести полную опись всем находящимся в крае фанзам и живущим в них китайцам и вообще иметь за (их – Е.Н.) действиями (...) постоянный бдительный надзор» [10, л. 180об.]. Перепись, начатую летом 1868 г., планировалось завершить к 1 января 1869 г. Ответственность за своевременное ее проведение возлагалась на окружных начальников. Для проведения переписи из экстраординарных сумм генерал-губернатора Восточной Сибири каждому постовому начальнику было выдано 300 руб. Удалось установить имена офицеров, проводивших ее в Ханкайском (сотник Маевский), Суйфунском (штабс-капитан Збержковский), Уссурийском (зауряд-хорунжий Бянкин) округах. Все они характеризовались военным губернатором Приморской области как «благонадежные и исполнительные» офицеры. В круг вопросов переписного листа входили: название фанзы (деревни), название местности, пол, возраст, наличие скота, количество обработанной земли и засеянного (собранного) хлеба. В примечании оговаривалось, что нанайцев и удэгейцев необходимо учитывать отдельно от китайцев. Все урочища и

участки земли, занятые китайцами, должны были наноситься на карту [11, л. 1]. Каждому («переписанному») китайцу предписывалось выдать вид на жительство (билет) сроком на год. Если же таких билетов *qo* какой-либо причине у проводивших перепись не оказывалось, то вплоть до их получения следовало выдавать особые ярлычки с отметками о приметах, роде занятий, наличии оседлости в русских владениях [6, л. 35; 9, л. 66]. Наемные рабочие не имели права покидать своих хозяев в течение года, а хозяева в этот же период не должны были нанимать новых работников. После получения билетов хозяевам запрещалось иметь безбилетных работников.

Рассмотрим ход и методы проведения переписи на примере Ханкайского округа. Распоряжением № 1315 от 22 июля 1868 г. заведующего Ханкайским округом и временно командовавшего 3-линейным батальоном подполковника Маркова в распоряжение сотника Маевского поступили юнкер Дыхов, рядовой Сарафанников, 12 казаков, гольд Губу и китаец Ильюшка для проведения переписи.

В инструкции отмечалась необходимость «избегать сколь возможно, неприязненных столкновений с манзами» [9, л. 67]. Китайцы лишались права вселяться в пустующие фанзы без разрешения заведующего Ханкайским округом. Для получения разрешения они должны были явиться в Камень-Рыболов с удостоверением хозяев соседних фанз, подтверждающим, что фанза действительно принадлежит ему, и что он не замечен в связях с хунхузами. Через месяц после окончания переписи хозяева должны были собраться в Камень-Рыболове для выбора старшины.

Перепись предполагалось начать с Турьего Рога и далее двигаться вдоль границы, не отдаляясь от нее 20 верст до границы Ханкайского округа (пограничный столб на р. Суйфун), затем возвращаться к Турьему Рогу, описывая все фанзы между нашей границей с Китаем (р. Суйфун) до Суйфунского поста, почтовой дорогой из Посьета и озером Ханка [9, л. 65].

29 июля Маевский двинулся в путь. Ему удалось пройти больше предписанного – 16 августа он добрался до поста Новгородского. Командировка в Нингуту отвлекла его от участия в переписи, руководство которой возложили на урядника Скобельцина. В первых числах октября Маевский вернулся в Камень-Рыболов и, несмотря на болезнь, приступил к обследованию ближайших фанз на реках Сиен-хо и Мо. В ходе этой работы он убедился, что перепись в его отсутствие проводилась качественно, и отправился на р. Лефу и р. Даубихэ. Маевский планировал со своим отрядом пройти еще и систему р. Улахэ, однако исследовать ее тщательно не удалось из-за больших снегов. В связи с этим численность и местонахождение фанз китайцев по рекам Нота, Фудзин, Сандогу наносились по их словесным заявлениям. Собрав эти сведения, отряд Маевского форсированными переходами – до 50 верст в сутки – двинулся в обратный путь и 6 декабря прибыл в ст. Бельцову.

В том же месяце Маевский и топограф поручик Вялов составили подробную (5 верст в дюйме) карту Ханкайского округа.

Таким образом, перепись в Ханкайском округе проводилась двумя

отрядами путем подворной переписи. Часть территории округа оказалась недоступной для переписи, в связи с чем пришлось довольствоваться непроверенной информацией.

Сотник Маевский в своем рапорте командующему войсками Приморской области отмечал: «...долгом считаю заявить Вашему Превосходительству, что к цифрам, обозначающим в книгах моих разные проявления жизни китайцев на нашей земле, следует относиться крайне острожно. Манзы уменьшают выгоды, преувеличивая неудобства и риск положения своего» [9, л. 53].

Тем не менее благодаря проведению переписи русская администрация получила некоторые сведения о численности китайцев, характере их занятий, местах проживания. Так, стало известно, что в Ханкайском округе количество китайцев варьировалось от 979 (зимой) до 1421 (летом), проживавших в 149 фанзах. Выяснилось, что большая часть китайского населения находилась в восточной части округа. Отмечалась и некоторая специализация: так, китайцы в западной части округа занимались сбором грибов, а в восточной – заготовкой пушнины. Хлебопашество и для первых, и для вторых не было основным видом деятельности. В связи с этим интенсивность движения караванов имела сезонные отличия: в западной части выделялись весна, лето, осень, в восточной – зима. В отличие от наемных рабочих, хозяева фанз, зачастую представители крупных торговых домов, либо родственники богатых купцов из Нингуты, Гирина, Сан-Сина, Шаньдуна, являлись более или менее постоянным элементом китайского народонаселения [9, л. 49-50].

К сожалению, мы не располагаем окончательными результатами переписи, однако, возможно, они были частично использованы комиссией под руководством И.Г. Сколкова, работавшей в крае весной и летом 1869 г. Согласно полученным комиссией данным, в 1869 г. в Суйфунском округе насчитывалось 142 китайца, в Сучанском – туземное население исчислялось 457 душами, в Ханкайском – 996, в Уссурийском проживало 1424 китайца, ороча и гольда, в Аввакумовском были учтены совместно китайцы и тазы – 809 чел. [7, л. 148]. Однако эти сведения комиссией И.Г. Сколкова, по свидетельству И.П. Надарова, были собраны путем расспросов местных жителей, которые сами мало знали о крае. Несмотря на то, что комиссия смогла приехать в такой далекий край, она «не пошла далее наших населенных пунктов, которых тогда, кстати сказать, было очень немного». Анализируя подобный метод сбора информации, Надаров указывал, что от «расспросных сведений вообще бывает мало пользы, а не сортированные и перекрестно не проверенные расспросные сведения и подавно не заслуживают доверия» [12, л. 41].

Таким образом, первая попытка официальной переписи китайского населения в Приморской области была предпринята русской администрацией в 1868-1869 гг. Хотя и не удалось охватить территорию всей области, русская администрация впервые получила максимально достоверные и систематизированные данные о характере китайской миграции, численности мигрантов, роде их занятий в Приморской области, были составлены карты, на которых отмечались места наибольшей концентрации китайцев.

Несмотря на проведенную перепись, генерал-губернатор Восточной Сибири Н.П. Синельников уже в 1871 г. в рапорте военному министру докладывал: «немыслим порядок в пограничном краю, если начальник не знает определенно в большей части оного, не только характера населения, но числа жителей» [13, л. 2об.]. Такая ситуация возникла в связи с тем, что миграционный процесс находился большей частью вне поля зрения русской администрации. Несмотря на насущную необходимость в корректировке сведений о численности китайских подданных в Приморье, следующая перепись была проведена лишь 10 лет спустя, в 1878-1879 гг. Руководил ею старший чиновник главного управления Восточной Сибири Висленев. Согласно собранным им сведениям, в 1858-1860 гг. на территории Приморской и Амурской областей находилось около 6300 оседлых и 2-3 тыс. бродячих китайцев [14, с. 37-38]. Масштабы переписи были, однако, более скромными.

Данные собирались на территории Южно-Уссурийского округа одним лицом путем маршрутного обследования китайских фанз, а сведения вносились в перепись со слов тех, кто находился в данный момент в фанзе [14, с. 5].

---

1. Мясников В.С. Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII-XX вв. Хабаровск, 1997.

2. Известия ИРГО, 1871. Т. 7. СПб., 1872.

3. Алябьев А.А. Далекая окраина: Уссурийский край. СПб., 1872.

4. ГАПК. Ф. 530. Оп. 1. Д. 17.

5. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 162.

6. РГИАДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 42. Т. 1.

7. РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4179.

8. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 134.

9. РГИАДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 54.

10. РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 34. Л. 180об.

11. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4949.

12. Надаров И.П. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край // Записки Приамурского отдела ИРГО. Т. 4. Вып. 4. Хабаровск, 1898.

13. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 290.

14. Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861-1917 гг.). М., 1989.

К ВОПРОСУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КИТАЙСКИХ РАБОЧИХ В ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (20-30-е гг. XX в.)

Е.Д. Кочегарова

Иммиграция китайских рабочих на золотые прииски русского Дальнего Востока была подготовлена всем ходом исторического освоения края. Слабая заселенность региона и его окраинное положение предопределили зависимость края от внешних рынков труда и решающую роль миграционных процессов.